

Сто баксов

Пили втроем: Петров, Вовка и Фингерман, на даче у Славика, на 16-й Фонтана. А собирались – вчетвером, вот как. Последний оставил им ключ, а сам укатил в город, потому что жена позвонила на мобильник и сказала, что "маме плохо, может, надо будет вызывать "скорую", так что, он срочно нужен. Славик пытался отмазаться, мол, у старой симулянтки эти приступы – каждую неделю, она просто наслаждается, что ставит всех на уши и все вокруг нее на цырлах бегают. "Старая садистка только развлекается, она еще нас всех переживет. Ты – в истерике, а ей – как с гуся вода, спокойная, как удав, это она тебя в могилу загонит". У жены, естественно, истерика прорвалась в плач и слезы, даже по телефону чувствовалась сырость: "Я знаю, ты ее ненавидишь, но сделай это хотя бы ради меня... Ты ж меня любишь... На кого мне еще рассчитывать? Я же не могу все время одна... Все – на мне, всегда... Кто-нибудь спросил хоть когда-то, а каково мне? Ладно, не надо ничего... Я знаю одно, для чего я тебе нужна... Сидите там, пейте, развлекайтесь, еще девок позовите, а я тут, в этом кошмаре... Старуха тут умирает... (К слезам присовокупились сопли, и это было отчетливо слышно.) Я не могу больше биться головой об стенку..." и т. д. в той же стилистике текста.

Славик прекрасно понимал расклад: жenuшка, конечно, проболталась мамаше, что они собираются устроить мальчишник на ее даче, и старую, естественно, "жаба задавила" – они пьют, гуляют, а что остается ей, в ее восемьдесят лет? Валокордин, корвалол, "Новости" и всякая другая вонючая дрянь. Но она же никогда не покажет, что ей плохо, кроме тех случаев, когда плохо надо сделать другим, наломать им кайф. Вот и сейчас – она его специально выдергивает из компании. Он с тоской посмотрел, как Петров уверенной рукой разливал "Nemiroff" – Вовке, Фингерману, себе. Над четвертой, пустой еще стопкой, его рука остановилась, а глаза поползли на Славика с немимым вопросом: "Бу-у-ш?". Последний же, глотая слюни от великолепия разложенной на столе закуски, видел, как на запотевшей с холода бутылке водки выступили слезы сострадания. Славика обуревало искушение или послать к черту всю эту симуляцию, или хотя бы дернуть на дорожку стопку-другую, не для храбрости, не для удовольствия, а только чтобы дыхнуть на старую каргу свежим перегаром, и хоть этим ей слегка насолить. Мол, не вышло у тебя, старая, мне карты спутать: все равно жизнь прекрасна, несмотря на все твои старания ее испортить.

Но пораскинув, он понял, что это нереально: тогда он не сможет сесть за руль и быстро приехать. А он рассчитывал, что с друзьями заночует здесь, на даче, а утром рассол и "Антиполицей" сделают свое дело. Придется ехать не солоно хлебавши... В трубке опять послышались всхлипы: "Так что, может, мне Виталия позвать? Он-то мне ни в чем не откажет, а родной муж..." (Это был удар ниже пояса, запрещенный прием. Виталик – это бывший ухажер, которого Славик в свое время быстро отшил, показав, "кто в доме хозяин". И теперь, как только жене в чем-либо бывало отказано, она имела гнусную манеру говорить с укором: "Ладно, тогда мне придется попросить Виталия". Или: "Тогда мне придется нанять человека".) Стиснув зубы и матюгаясь про себя, делая страшные глаза и закатывая их вверх, благо по телефону не видно, он выдал в трубку: "Ладно, роденькая, успокойся, пупсик, я сейчас буду". На другом конце сразу прекратились рыдания, резко, как по мановению волшебной дирижерской палочки великого Артуро Тосканини в финале "Болеро" Мориса Равеля. Тут же дали отбой, чтобы он, Славик, не дай Бог, не успел передумать. Идеальный муж помчался спасать любимую тещу, попросив собравшихся либо дождаться его, либо, уходя, просто захлопнуть дверь на автоматический замок. Рука Петрова поставила бутылку на место, а глаза печально опустились вниз, в то время как брови сочувственно поползли вверх – "Ну, что ж. *C'est la vie*, значит, пока придется посидеть втроем"...

Фингерман тем временем занимался математическими вычислениями, прикидывая, сколько придется на каждого, если бухло и закусь теперь надо делить на троих, а не на четверых. Одна третья на нос – это теперь – одна четвертая от целого, плюс одна четвертая, деленная на три... И закуска домашняя, не магазинные отруби. Нет, конечно, из приличия надо будет что-то оставить на завтра, а то обидится. Но по опыту многих лет сам понимал: то, что останется на завтра, – это по-любому несерьезно, и бежать неминуемо придется все равно еще раз. Вовка находился в задумчиво-радостном настроении: жаль, что Славика не будет, – единственный человек, с которым можно поговорить о Шенберге и Альбане Берге, Мессиановых ладах, о сегментной додекафонии, о Шнитке и Эдисоне Денисове... Он представил, какое глупое лицо будет у Петрова, вечно надутого, с этим его поучающим тоном, когда он, Вовка, как бы невзначай обронит выражение типа "обратная интерполяция – это вам не инверсия ракохода, батенька".

В компании происходило забавное разделение по интересам: Петров разбирался в юриспруденции и в машинах, гонял, экстремал, как Шумахер. Вовка разбирался в музыке и понимал по-латыни, любил постим-

пресснионистов. Фингерман сам мало рисовал, но зато знал кучу теорий искусства, увлекался античной историей и при этом мог разобраться с любым мотором.

Поэтому, когда Петров говорил о машинах, Фингерман горячо поддерживал тему, а Вовка, полный чайник в этих делах, сидел, как валенок на ноге не по размеру. Когда Вовка общался с Фингерманом о римском праве, слышались всякие "dura lex, sed lex", "jus primaе noctis" – и Петров, несмотря на его юридическую закалку, не догонял всех этих мудреных тонкостей и скучал, пнем-пень. Славик, окончивший консерваторию, схлестнувшись с Вовкой, сыпали разными там "трионовыми заменами", "герц-децимаккордами второй ступени", "новаторством в такой-то симфонии Малера" – у остальных уши вяли. Повыпендривавшись, какие они все умные, после – расслаблялись и переходили к общим для всей компании темам: бабы, секс, сплетни, анекдоты – нормальное человеческое общение. Единственно Фингерман на тему баб несколько пасовал, и беседу поддерживал в чисто теоретическом русле, все больше напирая на Фрейда. А тут Славик выпал из игры, и Вовка чувствовал какой-то дисбаланс: сразу переходить к анекдотам не принято, нужна предварительная "светская беседа", – как в брачных играх у динозавров. Иначе можно подумать, что все собрались только для того, чтобы тупо напиться. А как еще вспомнить об уважении к себе, если на работе твой интеллект на фиг никому не нужен, там нужны исполнительные тупицы, вдобавок – все на нервах, орут, несут какую-то ахинею...

Открыл собрание Петров:

– Господа! Я предлагаю почтить вставанием так рано ушедшего нашего коллегу Славика! – он картинно налил стопку, стоящую перед пустующим стулом, и водрузил на нее ломоть серого хлеба, как это делают, поминая павшего в бою товарища. – В семейной жизни есть и обратная сторона медали. Мы будем молиться за него. Prosit!

Выпили, сели закусывать, а Фингерман отметил, что ветчина на столе – самая кошерная на свете, в самый раз – под конец шаббатона, а эта водка – чистое здоровье, а не то говно из магазина, которое пахнет ацетоном и только этикеткой напоминает о благородном продукте, и как он недавно чуть не траванулся этой гадостью в баре. Вовка со счастливой грустью в глазах поглощал маринованные маслята: сегодня ему пришлось отказать в свидании одной милой совсем юной шатенке, которую он закадрил совершенно случайно, даже не рассчитывая на успех, но та – повелась... Ладно, ради друзей – чего не сделаешь, да и жене не надо будет

врать, хотя вначале он соврал, сказал, что едет с друзьями, а потом вдруг перезвонил Славик, и оказалось – правда: он таки да едет с друзьями. Теперь можно смело смотреть ей в глаза: с кем он проведет эту ночь – куча свидетелей... И в следующий раз ему, верному мужу, поверят на слово. А девчонка – подождет...

Под окнами уютной одноэтажной "славикатеши" дачи росли абрикосы, липы распространяли приторный до противного, но все же дивный аромат... Верхушки деревьев из оранжевых стали ярко-красными, потом начали медленно тускнеть, и земля внизу, потеряв цвет, как утонувший – из пучины, посылала наверх свои последние пузырьки: то блеснет вдалеке брошенная кем-то жестянка, то сверкнет и погаснет осколок битого стекла. Жгуче-зеленое небо попрощалось с нахальным светилом, и вспомнив, что пора надевать вечернее платье с блестками – как старая кокетка перед зеркалом, стало неспешно наряжать себя мелкими бриллиантами звезд.

– ...вот и я говорю: все они продажные, эти политики. Как шлюхи последние! Но шлюх я уважаю, а этих – нет. Потому что проститутки честно работают, берут бабки, но при этом не бьют себя в грудь, что они, мол, делают это исключительно из любви к тебе, заботясь о твоём благе, – Петров сделал паузу, чтобы набрать воздуха после длинной тирады. Было ясно, что разговор давно уже шел на "общие" темы, и все оживленно участвовали в беседе. Фингерман предложил "освежить бокалы", что и было сделано, но Петрову, видимо, полезло не в то горло, он закашлялся, заливая всех брызгами, а свое покрасневшее лицо – слезами. Вовка подлетел к нему сбоку и хотел было похлопать ладонью по спине, как это делают, когда человек поперхнется, но Петров заморгал мокрыми глазами, замотал головой и протестующе замычал, мол, не надо, это лишнее, сейчас само пройдет. Он вскочил из-за стола и выбежал, хлопнув за собой дверь, из комнаты. Вовка и Фингерман с улыбочкой переглянулись. Фингерман рассказал бородатый еврейский анекдот про то, "как тетя Двойра в лифте застряла". Вовка слышал его раз двадцать, и в том же исполнении, но из вежливости пару раз хохотнул.

Петров отсутствовал уже минут десять, Вовка предположил, что "он там, наверное, весь облевался, а может, человеку плохо стало". "Брось, – Фингерман выразил на лице полное спокойствие и уверенность в завтрашнем дне: – Этот лось здоровее нас обоих вместе взятых. Наверное, перекуривает. Давай пока накатим". Накатили. А тут подоспел и заметно приличнее выглядевший третий мушкетер: "Что, сволочи, решили без меня допить? Думали, что я умер? Не дождетесь!" – и влил в себя пол-лит-

ра томатного сока. Отвернувшись от этого душераздирающего зрелища, Фингерман продолжал донимать Вовку расспросами:

– И как же зовут твою новую страсть? Муза? Лаура? Я тебя за язык не тянул! Вольдемар!

– Ты почти угадал, подлец. Лара. Лариса Дмитриевна. А гордится своим отчеством... будто сам президент Медведев – ее папа, – объяснил Вовка, на что Фингерман заметил:

– Пусть не очень гордится "Дмитриевной" – она что, Бесприданница? Будет тебя доить.

– А что? Татьяна в "Онегине" тоже была Дмитриевна. "Кто там, в малиновом сомбреро, с послем испанским говорит?" Что с того?

В разговор вмешался Петров, если точнее, грубо его оборвал: "Это что, вся водка, что ли, что осталась?". Тут все трое заметили, что почти расправились с меню, в особенности с его главным компонентом, и Петров предложил "послать гонца, а бабки я дам". Фингерман поддержал, скрупулезно подметив, что "сегодня суббота. Если не взять сейчас, то в воскресенье тут все магазины будут закрыты, а в город пешком час – сильно далеко". Петров сказал, что он бы и сам в город сгонял за полчаса, "Вольво" за забором стоит, но он уже хорошо "мэкнувши" и не хочет заниматься благотворительностью для ментов. "Себе будет дешевле, если мы это честно прогуляем, чем кормить разных паразитов", – он пошел шариться по карманам, и Вовка тоже стал припоминать, где при нем филиал швейцарского банка, и что-то даже, на удивление, нашел. Фингерман с кислой миной сообщил, что у него опять на работе лажа, что он сегодня пустой, а тут Славик так неожиданно пригласил... Короче, внесет свою лепту, исполнив функцию "гонца". Друзья сгрузили "гонцу" национальную валюту, а Петров даже проводил до калитки. "Какие красивые звезды!" – и зашел обратно в дом. Остатки паштета и салями не лезли в рот по-сухому. Порывшись в холодильнике, обнаружили початую двухлитровку пива, но ни селедки, ни креветок, ни тараньки не было. А Петрова это и не очень огорчило. И зря: смешивать в таких делах опасно, тем более что градус напитка можно только повышать, но ни в коем случае не понижать. Вскоре Вовка, рассказавший первые двенадцать серий своих любовных походов, подняв глаза на визави, обнаружил, что Петров спит, как сурок, сидя на стуле. Немного погодя вернулся Фингерман: "Хорошо еще, я еле успел, они уже закрывались", – стал расставлять дары гастрономии на столе, убирать грязную посуду, а Вовка вышел на воздух "подышать свежим никотином". Потом они еще с полчаса посидели, и их тоже разморило. Петров был совершенно неподъемный, и его остави-

ли на стуле – зачем беспокоить человека? Сами легли валетом на диване, и Вовка прозрачно намекнул, что "от частой стирки линяют только дешевые носки". Скоро храп троицы перекрыл треск цикад.

Утро, то есть часиков в двенадцать, никак не позже, встречало прохладой. Особенно прохладен был Петров. Он похмелялся в одиночку, сидя за столом, пока Вовка с Фингерманом, сидя на диване, терли свои красные глаза. Петров смотрел волком. Первым нарушил молчание Фингерман:

– А ты чего такой злой сидишь? Головочка "бо-бо"? Так рассольчику выпей.

– Ни фига себе, заявки! – возмутился Петров, продолжая смотреть бигрюком. – Что за дешевые шуточки? Я вам что, клоун?

На что Вовка поинтересовался, а что случилось.

– Мы же с Фингерманом тебя пытались уложить, но ты брыкался, и тебя оставили в покое.

Петров заорал:

– А куда делись сто баксов из моего портмоне? У них ноги выросли? Или сюда ночью кто-то еще приходил? Я вас спрашиваю! Или это тень отца Гамлета сп...ила мои сто баксов? Сумма не ахти какая, но я их отложил на СТО... И главное – кто? Друзья! Кончайте дурака валять, кто это из вас так шутит! Или оба?

Двое переглянулись: "Он, что, на солнце без панамки пересидел?". Но, с другой стороны... странно: как в классическом английском детективе – в закрытом внутри помещении что-то случается, а их там только трое... Вот и думай! Вовка самолично дверь запер на два оборота, когда спать ложились. Население дивана сдержанно молчало, понимая, что любые отрицания причастности будут расценены как попытка оправдаться, а это было бы глупо и даже не так уж смешно в дурацкой ситуации. Председатель застолья с высокого стула в окружении батареи присяжных осуждающе смотрел на них сверху вниз. "Друзья называется! Перегнули палку... Ну, ладно, шутка не удалась, потому что глупая, а теперь и признаваться неудобно: я могу подумать, что это была совсем не шутка". И что, теперь из-за вонючей бумажки – никакого доверия друг к другу?

Вовка первым ответил:

– Ты давай, старик, говори, да не заговаривайся! Ты нас что, за крыс имеешь? Я б тебе эти сто баксов просто так дал, чтоб ты не плакал... если бы они у меня были.

Фингерман, понимая, что ему тоже молчать не пристало, и что тоже надо что-то сказать, заметил:

– Я, между прочим, в магазин ходил, а когда вернулся – этот уже спал на стуле. Ты же мне сам дал кучу капусты на покупки, – вот, еще пятера сдачи и сигареты, потому что у тебя твой "Честер" закончился, – он положил сигареты и сдачу на стол. – Какие ко мне претензии?

– Молодец, – подумал Вовка, – раз к нему не может быть претензий, значит, остается кто?

– Ладно, – продолжил Петров, наливая всем, – давайте без нервов.

Все "бахнули" залпом.

– Я просыпаюсь, – продолжал он, – и вижу: два тела дрыхнут на диване, а мой бумажник лежит рядом со мной под стулом. Ну, думаю, наверно, выронил во сне. Решил на всякий случай проверить, все-таки – документы, там, права... Смотрю – права на месте, техпаспорт, талон, визитки, кредитка, а ста баксов нет! Я уже обыскался, везде у себя перерыл, уже, думаю, у меня с перепоею крыша едет. Но это же мистика! Не Святой же Дух здесь был!

На этот выпад Вовка вполне резонно возразил что Святой Дух пребывает с нами всегда и всюду, а Петров возмущенно глянул ему в глаза, дескать, мерзавец, ты хочешь своими циничными мансами свести все на шуточки. Ан, нет, факты – упрямая вещь, сто баксов испарились, или кто-то из вас, пока я спал, приделал им ноги.

– Только Святому Духу баксы не нужны, – закончил свою мысль Вовка. – Он их сам напечатает столько, сколько Федеральному резервному банку не снилось. Ты вспомни хорошенько, может, ты их вовсе с собой не брал, дома оставил?

– Но я ж не сумасшедший, – вскипел Петров. – У меня нет *déjà vu* пока что. А точно помню, потому что по дороге сюда ко мне гаишник примался, что я поворачиваю не из того ряда, и попросил права и техпаспорт. Сто баксов лежали на месте, а сейчас – их нет! Нашенскую "макулатуру" я ношу в кармане – на карманные расходы, а баксы были в портмоне. В какие игры мы играем?

– А ты в машине смотрел? – вставил Фингерман. – Может, ты их там и выронил, когда ты с этим гаишником...

И тут Петров взорвался:

– Да, не делайте из меня идиота! Я утром, когда это дело обнаружил, первое, где посмотрел, – это в салоне, под сиденьем, даже под ковриком! Нету там ни хрена!

Вовка подумал про себя, что, в принципе, и делать никого не надо, результат налицо, если он нас может в чем-то подозревать. Молча встал

и вывернул наизнанку карманы. Может быть, промелькнуло у него, этого и не стоило делать, унижительно как-то, да и ничего не доказывает: бумажку можно было скатать трубочкой и, засунув в пастовую ручку, оставить где-нибудь за окном, чтобы потом забрать... В носок сунуть, в морозилку – кто там станет искать? Да мало ли... Глупости какие...

Фингерман нервно рассмеялся: "А у меня стопроцентное алиби! У меня в обоих карманах – дыры с кулак, Сашка моя так и не зашла до сих пор!".

Выпили еще, чтобы страсти немного улеглись. Команда дивана – подзреваемых – подседа к столу, уничтожая дистанцию между "следователем-потерпевшим" и ими, невинно обвиненными, как бы давая понять, что инцидент исчерпан, а ты сам, дорогой, где-то облажался, вот и разбейся сам, вспоминай. Пытались сменить тему, но что-то уже разладилось в компании, и разговор не клеился, как раньше, а резиновые улыбки исчезали, когда воцарялись тягостные паузы. Сложно делать вид, будто ничего не произошло, ведь произошло-то, в том-то и дело!

– Я бы сейчас и двести баксов отдал, ребята, – нарушил тишину Петров, – чтобы это все оказалось страшным сном. Ведь столько лет... Доверяли, выручали друг друга... Ну, если бы там приперло, нужда какая, ну, допустим, любовнице аборт сделать, да так, чтоб никто не узнал... Разве я не дал бы?

– Аборт сейчас стоит как минимум триста, – уточнил Вовка, знаток в этом вопросе. – Ты, старик, отстал от жизни.

Фингерман добавил, что сам сейчас живет полувпроголодь, но это только оттого, что не имеет привычки залазить в чужой карман.

– А ведь действительно, – Петров смотрел на клеенчатую скатерть, – ты же ходил в магазин, а пришел, когда я уже спал... Кто оставался дома? Наедине? – он посмотрел на Вовку исподлобья. В этом взгляде была боль горького разочарования и сожаления, мол, подавись ты этими ста баксами, ты только что друга потерял... Это подкрепилось сказанным затем вслух: – Не буду же я, в самом деле, милицию вызывать... Смешно...

Вовка понимал, что если он не отреагирует сейчас, то ему уже никогда не отмыться. Вот же наглая морда! И уверен на сто процентов в своей правоте! А только что меня фактически назвали вором, что я злоупотребил дружбой, доверием, у спящего человека... Надо дать в морду за такие слова. А с другой стороны, он же вслух не произнес, и как-то неудобно и неловко так, вдруг, ни с того ни с сего бить человека по лицу. Для этого должны быть очень, супервеские причины, конкретный повод, иначе по-

думают, что ты псих. Но лучше уж пусть думают, что я – псих, чем подумают, что я – крыса. Вовка вспомнил, как обычно развивались уличные драки: от слов – к мордобою. "Ах ты козел!" – "Это кто козел, я, что ли? Да за козла ответишь, гандон!" – и после такой преамбулы можно было с чистой совестью переходить к действиям – они уже оправданы. Так он и собирался поступить, но вдруг чудовищная мысль мелькнула в голове: "А может, это действительно был я, но я был пьян, и как лунатик ничего не помню... Боже, какой ужас!". Привставши было со стула, Вовка снова сел. Но на этот раз не на стул, а в лужу. Глубокую лужу сомнений, противоречий и попыток вспомнить, как оно было на самом деле.

Фингерман думал о том же: поймав на себе взгляд Петрова, он понял, что и он оставался наедине с "терпилой", пока Вовка выходил во двор покурить, а Петров дрых, как полено. И все его "алиби" теперь ни черта не стоят, и поди докажи...

– А ты посреди ночи не вставал? – спросил Вовка.

– Ладно, ребята, – подвел итог Петров. *Qui prodest? Dolo malo* – какая разница? Сидеть так, как пауки в банке, – это действительно можно мозгами поехать. Разбегаемся. Обидно!

Хряпнули на посолок, убрали еду в холодильник, захлопнули дверь на защелку и разошлись в стороны. Никто не сказал "Пока!" или "До свиданья", потому что было непонятно, когда, да и вообще, состоится ли оно, это "свиданье". А Славик так еще и не появлялся.

– Алло, Вован! Здоров, старик! – это звонил Славик, уже под вечер.

– Здрав будь, боярин, коли не шутишь. Как там твоя теща? Жива, или тебя уже можно поздравить?

– Она нам все кишки вымотала, так что не ей, Алке пришлось "скорую" вызвать. Сделали магниезию, вроде полегчало. А эта старуха сразу вскочила, прыгала, как Буратино, а я в итоге оказался во всем виноват! Дочь ее чуть не сгубил! Ну, бабы! Теперь она от Алки не отходит, поит ее корвалолом. Как тебе расклад? Да, кстати, а что там, на даче, вы что, перепились?

– Не понял? – промывчал Вовка.

– Кто из вас сто баксов в туалете оставил на полу, возле унитаза? Вы что, долларами жопу вытирали? Ну, да, одной купюрой. Лежит у меня.

Как теперь удивится Петров...

– Алло! Это Вовка говорит. Слушай, Фингерман! "Мальчик-с-пальчик", "Пальцем-деланный-ман" – так, что ли, переводится? Петров звонил

и извинялся. Нашлись его сто баксов, в уборной возле унитаза. Славик нашел, слава Богу. И это ж надо было столько нервов всем вымотать: сам пошел, сам обронил, а нам все настроение перепаскудил!

– Вовка! – Фингерман был в эйфории. – Одно странно: мне-то Петров тоже звонил пару минут назад, просил прощения. Говорит: а на кого мне еще было думать, если больше никого не было? Но вся фишка в том, что сам-то он в туалете не был!

– Как это – не был? А когда он блевать выбегал?

– В том-то и дело, что в туалете лампочка перегорела, света не было, темно, как у негра в... Он себе чуть голову не проломил об кафель, он сам мне сказал. И пошел, как говорится, "до ветра". Под деревом в саду ему полегчало.

– Ничего не понимаю... А как же тогда...

Все трое призадумались.

